
детектив – событие

Читайте романы Ксении Баженовой
в серии «Детектив-событие»

Ускользящая темнота
Закрой глаза — я тут
Убить своего дракона
Сердце грустного шута

Ксения Баженова

СЕРДЦЕ ГРУСТНОГО ШУТА

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82–3
ББК 84(2Рос–Рус)6–4
Б 16

Оформление серии *С. Груздева*

Баженова К.
Б 16 Сердце грустного шута : роман / Ксения Баженова. —
М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Детектив–событие).

ISBN 978–5–699–65121–4

Лиза всегда ощущала, что не такая, как все. Она могла видеть недоступное другим и использовать это в своих целях. Легко играя людьми, она не обращала внимания на их чувства и желания...

Андрей Акимов был очарован Лизой и легко соглашался на все ее предложения, поэтому начал плотно сотрудничать с Энцо. Он знал — его итальянский партнер занимается чем-то противозаконным, но закрывал на это глаза. Хотя в глубине души он понимал: долго так продолжаться не может...

Павел ненавидел женщину, полностью подчинившую его отца своей воле. Он видел ее — лживую и лицемерную — насквозь и удивлялся, почему ею все восхищаются. Несправедливо, что ей достается все, а ему ничего...

Первый взгляд зачастую бывает обманчив. Но поверить второму еще сложнее...

УДК 82–3
ББК 84(2Рос–Рус)6–4

© Баженова К., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013
ISBN 978–5–699–65121–4

Реальная жизнь, как она есть, стала казаться мне видением, и не более как видением, зато безумнейшие фантазии теперь не только составляли смысл каждодневного моего бытия, а стали для меня поистине самим бытием, единственным и непреложным.

Эдгар Аллан По. «Береника»

Глава 1. Успеть к обеду

Италия, вилла под Туринном, наше время

Павел понял, что не может вести машину. Омерзительные до тошноты мушки заслонили все, но на Туринской автостраде, по которой он ехал, не было места для остановки. Сконцентрировавшись из последних сил, он через несколько секунд увидел указатель «кармана»...

...Эти четыреста метров пути Павел уже не помнил. Как вырулил на площадку, как остановил машину... Последним, что он почувствовал, были капли ледяного пота на лбу, провал в черный колодез и стремительное падение. Но оно скоро замедлилось, стал слышен шум машин, черный цвет сменился серым. Он начал приходить в себя.

Отвратительные черные мушки сползли на лицо и топтались по нему липкими лапками. Преодолевая слабость, Павел потянул ручной тормоз, выключил мотор, откинулся на сиденье. Мушки стали улетать. Его трясло. Сделав усилие, он открыл бардачок, до-

стал металлическую фляжку, украшенную звездой с серпом и молотом, отпил глоток коньяка и посмотрел на часы. Он находился не так далеко от места, где его ждали к обеду, время еще было. И далось же этим итальянцам обязательно обедать именно в час дня! И главное, билеты отец заказал ему на раннее утро! Вот заказал бы на вчерашний вечер, и не попал бы сынок на эту безумную вечеринку. Отец позвонил ему вчера утром с не терпящим возражения, как это всегда было, предложением провести пару дней на вилле у его итальянского партнера, обзавестись знакомствами и отдохнуть. Был благодушен и щедр. Единственным приятным моментом в этой совершенно не нужной Павлу поездке был предложенный ему безлимитный шопинг в Милане. И чего это отец такой добрый? Наверное, дельце какое-нибудь выгорело?! Так что лучше ему действительно не перечить, пока финансовый поток открыт.

Павел вышел из машины. Ноги плохо слушались, но мозг уже работал, и он ужаснулся, а потом обрадовался: между бетонным парапетом и бампером было несколько миллиметров; а за машиной тянется черный длинный тормозной путь. Сейчас ему казалось, что он даже помнит визг тормозов. Да! Повезло! Черт бы побрал эти «колеса» вперемешку с бухлом, да еще и до самого утра.

Он смотрел в туманную даль, где горизонт упирался в голубые призрачные горы Музине, и по-немногу приходил в себя. Волшебные горы хранили в своих пещерах и у подножья мистические легенды, и, говорят, здесь обосновался даже опорный пункт «летающих тарелок».

Немного успокоившись, Павел сел в машину и медленно влился в поток. Через полтора часа он уже сигналил у ворот виллы Энцо Бучино. Ворота медленно открылись, и шины зашуршали по гравийной дорожке к гаражам.

Шагая к дому между кипарисами, он разглядывал фасад и старый мраморный герб, расположенный над центральным окном. Рисунок его был почти стерт, но еще можно было разглядеть летящих птиц.

Заворачивая за дом, Павел услышал голоса и смех обитателей.

— А вот и он! — Андрей Ильич, стоящий на веранде, первым увидел Павла. — Привет, сын!

— Привет!

Акимов-младший помахал всей компании, прошел на веранду и растянулся на плетеном диване. Лежал с минуту без движения, слушая жужжание пчелы, потом снял кроссовки и обратился к отцу, который все время следил за ним взглядом:

— Пап! Налей мне виски со льдом, — потом добавил: — Пожалуйста!

Веранда была современной пристройкой к старинной вилле семнадцатого века: низкая, тенистая, прохладная, с мозаичным полом и широкой пологой лестницей, уходящей на дно бассейна. Пальмы в огромных кадках, покачивая зелеными кинжалчиками листьев, дробили солнечный свет. Блики от воды в бассейне играли на белых стенах и арках. Все это мелькание и сверкание успокаивало Павла. Он снял рубашку и, приняв с чуть ерническим поклоном высокий запотевший стакан из рук отца, вышел на лестницу, наблюдая за компанией.

На бортике бассейна загорала Лиза, прикрыв лицо соломенной шляпой. В бассейне шумели и брызгались хозяин виллы Винченцо Бучино и его новая подружка, бельгийка Сюзи. Сюзи забиралась к нему на плечи и, соскальзывая, поднимала фонтан брызг.

Лиза перевернулась на живот и послала Павлу воздушный поцелуй.

— Ну что, как дела? — безразлично спросил он отца, присаживаясь рядом на мраморную скамью.

— Идут, сын. Да мы с Елизаветой Сергеевной и не собирались заниматься делами, хотели просто провести неделю в Италии. А ты? Устал с дороги? — И, не дождавшись ответа, продолжил: — Кстати, сегодня каких-то сановитых, но нам абсолютно бесполезных гостей будет полный дом. Ох и тяжелы же поздние итальянские ужины! А ты, сынок, с нами вечером или как?

Павел с удовлетворением отметил хорошее настроение отца, это сулило полное невмешательство в сыновьи дела, а также открытый кошелек.

— Па, если ты не против, я в Милан. Завтра вернусь! Ну чего мне делать с бесполезными гостями? А я с вами пообедаю.

— А как там наша мама?

— Мама снова укатила в Париж: сопровождает супербогатую чету. Но, как всегда, ставит дело так, будто они ее сопровождают. Как ей это удастся?!

— Ах, ну да, ну да. Точно, в Париж. Твоя мать очень умна, мудра и тщеславна. А люди привыкли егозить перед уверенными, лощеными, эрудированными.

На веранду вышел слуга в белом форменном пиджачке с телефоном в руках, просеменил к бассейну и передал трубку Энцо. Видимо, зная, что разговор будет долгим, сел невдалеке на травку, скрестив ноги и уставившись на макушки кипарисов. Воздух благоухал летними запахами находящегося неподалеку свежескошенного луга.

Пришла Лиза, поставила ивовое кресло напротив Акимовых и достала из серебряного портсигара сигарету. Наклонилась к тяжелой настольной зажигалке из горного хрусталя, щелкнула кремнем и с удовольствием затянулась.

— Страшно было? — спросила она, наблюдая за ним. — Но все обошлось, правда?

— Что там обошлось? — спросил Андрей Ильич.

— Да была небольшая неточность в маршруте, — поспешно ответил Павел. — Думал, что заблудился, боялся не успеть к обеду.

Слуга прошмыгнул обратно, унося телефон. Из бассейна вышли Энцо и Сюзи, растирая друг друга большими полотенцами, они принесли с собой запах влаги с чуть уловимым оттенком хлорки, шум и ощущение беззаботности.

— Ой, какой симпати-ичный! — Сюзи стрельнула глазами в сторону Павла, за что получила легкий шлепок.

Потом все ушли в дом готовиться к обеду.

Павел не завидовал хозяину, есть дома и получше этого. Подумаешь, бассейн с подогревом! А вот уединенность и в то же время удивительный простор и уют старинного парка всегда ему нравились и бы-

ли у них, в новой усадьбе, которую недавно купил отец. Да еще и покруче местных. К тому же получается, что он, Павел, — наследник старинного рода, потому что, как оказалось, отец имел прямое отношение к бывшим владельцам усадьбы. В отличие от этого простолюдина-макаронника.

Оставшись один, Павел плеснул в стакан еще немного виски и, сев на ступени бассейна, подставил лицо солнечным лучам. Он закрыл глаза и прислушался к себе: мушки улетели, сердце билось ровно, тревога осталась. Откуда эта тревога? Он перебрал в памяти все свои дела и встречи, не находя объяснения этому состоянию. Посидел, бездумно глядя в небо, потом сладко зевнул, потянулся, допил одним махом содержимое стакана и пошел в дом, поднялся в отведенную ему на сегодня гостевую «зеленую» комнату, почти под крышей, с видом на призрачные голубые холмы. Трудно было сказать, на каком этаже она находилась. Со стороны гаража казалось, что в доме только два этажа. Со стороны сада их насчитывалось три. И было еще одно место внутри дома, где был и четвертый этаж.

Он быстро принял душ, натянул белые джинсы и надел голубую рубашку, аккуратно закатав рукава почти до локтей. Повязывая шейный платок и глядя в зеркало, попытался повторить жесты Лизы, которыми она поправляет волосы, завязывает шарф, как смотрит на собеседника. Его разбирала мелкая и нудная злоба. Тут он понял, что не тревога омрачает его состояние, а обыкновенная зависть. Почему ей, а не ему так много дано от природы? Вечно этим

бабам достается все самое лучшее! Что надо сделать, чтобы иметь хоть часть ее обаяния?

Павел был не способен на длительные связи, на открытые дружеские отношения, на человеческую теплоту, на понимание. Он не чувствовал себя комфортно даже в узком кругу людей, которых знал давно. Он не выносил отказов, но ему приходилось их все время переживать внутри, и в такие моменты он люто ненавидел того, кто ему отказал. В основном ту, которая... Он впадал в депрессию по любому, даже малосущественному поводу, касающемуся его отношений с окружающими.

Душевное равновесие он находил, делая покупки, и только дорогие. Неспешно выбирая вещи, будь то одежда или парфюмерия, подушка на диван или занавески для его квартиры, обувь или сигареты, он доводил продавцов до обморока; только самые профессиональные выдерживали этот экзамен, и именно их он потом требовал, приходя в этот же магазин. Он обладал хорошей памятью и довольно свободно говорил на четырех языках, умел быть любезным кавалером, остроумным собеседником, но совершенно не любил себя, а только лишь постоянно грыз и самоуничижал. Причем не за дурные черты характера, а за то, что у него что-то хуже, чем у других, или с ним не хочет общаться какой-то конкретный человек. Он видел причины в том, что, наверное, кто-то, кто мнит себя «особенным», думает, что он не человек его круга, и потому старался во что бы то ни стало купить, приобрести, поиметь и использовать самое лучшее. Лучше, чем у «осо-

бенных», или хотя бы такое же. И ненавидел, когда это не удавалось или не срабатывало.

Еще раз посмотрев на часы, Павел решил спуститься в столовую, но, подойдя к двери, внезапно повернул назад и бросился к зеркалу. Все было в порядке, его контактные линзы голубого цвета вполне соответствовали рубашке и шейному платку. Может быть, вставить серые? Нет! Хорошо и с голубыми. Он еще раз провел щеткой по волосам и, наконец, вышел.

— Когда не знают, как объяснить преступление, говорят: сатанинский ритуал, — услышал Павел, проходя мимо кабинета хозяина дома. По нервному смеху, последовавшему за словами, он понял, что Энцо разговаривает с отцом.

Фраза его заинтриговала. Он приостановился, наклонил голову к плечу по-петушиному, сунул руки в карманы брюк и стал слушать продолжение разговора.

— Все очень просто. Тебе звонят и говорят, что им нужны сердце, почки, глаз. Что надо делать? Поймать ночную пташку на обочине, пригласить ее домой, а дальше сам знаешь. Все элементарно. Человечек для хирургического вмешательства у нас есть. Ха-ха! Ну, сам знаешь. Затем следует очень, — он сделал акцент на этом слове, — очень хорошая денежка. Поле деятельности необозримое. А тем более все чисто и просто, если мы наладим это дело в России. Это тебе не пулеметы на горбу через границу таскать. Да и старо уже, из моды выходит. Надо открывать новые горизонты. Ну, пойдем обедать?

— Да-а! Интересно. Надо подумать, с Елизаветой Сергеевной посоветоваться. — Слышно было, что отец волнуется.

— Слушай, ты что, все время собираешься полагаться на бабу? Просто смешно! У нас в Италии с тобой бы никто работать не стал, — раздраженно зашипел Энцо.

В ответ — молчание.

— Что тут думать? Заказов полно, только поворачивайся, — повысил он голос. — Ладно, пошли.

Заскрипел паркет, дернулась ручка двери. Павел мгновенно очутился на лестнице и остановился на середине, разглядывая ближайшую картину, постарался приветствовать Энцо и отца несколько рассеянно.

— Что? Нравится? — спросил его хозяин дома.

— Нравится!

— Странно. Это же подделка, дешевка!

— Да что ты! При этом свете выглядит вполне прилично.

— Потому здесь и висит. А подлинник — в банковском сейфе...

Глава 2. Лиза и Влад

Москва, весна, два года назад

— Дорогая, ты хотя бы съела что-нибудь?

— Нет. — Лиза раздраженно затушила сигарету в большой китайской пепельнице, ткнув точно в желтую бабочку. — Господи, можно без нотаций? Я уже давно взрослая девочка!

— Ну, может, пора тогда уже начать хоть немного заботиться о своем здоровье? — Влад выкинул в мусор несколько окурков. — Да и мне не очень приятно с утра дышать вот этим всем. — Он сделал неопределенный жест рукой в воздухе.

— Скоро не будешь.

— Я тебе уже сказал — ты можешь оставаться здесь, а я подыщу себе другую квартиру.

— Я тоже тебе уже сказала, что здесь не останусь. Сваришь кофе? — И, не дождавшись ответа, пошла в ванную. А когда вернулась, на столе стояли и кофе, и омлет с помидорами.

— На вот, поешь.

— Спасибо. — Лиза вяло ковыряла вилкой еду. Сделала два глотка из чашки. Лицо ее напоминало лицо фарфоровой куклы. Если бы не синяки под глазами и несколько горизонтальных морщинок на лбу, оно сошло бы за идеальное. Высокие скулы, темные глаза, которые иногда, при определенном освещении, казались синими, яркий рот с чуть припухшей верхней губой и поднятыми вверх уголками. Даже когда Лиза грустила, уголки эти никогда не опускались вниз. Каштановые волосы всегда блестели, как в рекламе шампуня. Она небрежно закалывала их сзади в пучок, и из него выпадали длинные пряди. А может быть, она выпускала их специально? Влад до сих пор не знал. Тонкие руки с длинными пальцами обхватывали с двух сторон чашку.

— Ну?

— Что? — говорила она низким голосом, с хрипотцой и немного в нос. И всегда была будто чуть

усталая и чуть по ту сторону. Про свою эту чертову сторону, о которой, как и о выпадающих прядях, ему так и не удалось узнать за эти годы. Она вроде с ним, а вроде и там, «у себя». И иногда это страшно бесило.

— Какой сегодня день, помнишь?

— Кажется, ничего особенного. — Отвернулась к окну.

— Ну, с учетом того, что мой день рождения уже давно не представляет для тебя ничего особенного, то так и есть, — постарался сказать он со смехом, хотя захотелось швырнуть чашкой. Сколько их было перебито уже в этих стенах!

— Ой, Влад, прости! — Наконец-то она расшевелилась, даже улыбнулась. — Ну конечно! У меня даже приготовлен подарок!

Она пошла в сторону своей комнаты. Они давно уже не спали вместе. Высокая, с тонкой спиной и торчащими лопатками, которые нежно обрисовывал черный шелковый халат. Но с полпути вернулась, чмокнула Влада в щеку. Он вздохнул и тоже посмотрел в окно.

Пентхаус на тридцатом этаже — ее идея. Он ворочал миллионами, управлял людьми, совершал очень рискованные шаги в бизнесе, шел против закона, но вот чего он по-настоящему боялся, так это высоты. Окна в их квартире везде от пола. В своем кабинете он велел дизайнерам поставить вдоль всей стеклянной стены что-то наподобие длинного комода и повесить жалюзи. А она подходила и прямо прижималась к окну вплотную, телом, щекой или